

НАТАЛИ РОШ

КЛЮЧ
НА ДВОИХ

— 3 КНИГА —

Натали Рош

Ключ на двоих. Книга 3

Серия «Ключ на двоих», книга 3

<https://litres.ru/74219114>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Хроносу» предстоит самая холодная миссия в истории агентства. На самом краю мультивселенной лежит реальность под кодовым названием Аквилон. Там нет ни солнца, ни звёзд — только вечная мерзлота и город, высеченный в толще тысячелетнего льда. Его жители не знают, что такое порталы, не слышали о Совете Хронографов и понятия не имеют, что где-то за пределами их реальности существует целая Сеть миров, связанных древней силой — Ключами.

Но Ключ есть и здесь. Артур и Соня пытаются отыскать Ключ и помочь замкнуть связь, прежде чем Аквилон падёт. Но в ледяном городе, где запрещено говорить о чувствах, где прикосновение считается преступлением, а любовь — болезнью, сделать это будет непросто. Особенно когда выясняется, что местная Тьма не заперта внутри Ключа. Она — часть самого Аквилона.

Артуру и Соне придётся не только согреть друг друга в прямом и переносном смысле, но и ответить на вопрос: что

делать, если Ключ не хочет замыкаться? И действительно ли доверие может расти даже во льдах?

Содержание

ГЛАВА 1. В КОТОРОЙ ПОРТАЛ ОТКРЫВАЕТСЯ В БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ, А ТЕПЛО СТАНОВИТСЯ ВОСПОМИНАНИЕМ	5
ГЛАВА 2. В КОТОРОЙ СОВЕТ ЛЬДА ЗАСЕДАЕТ, А ПОНЧИК НАРУШАЕТ ПРОТОКОЛ	17
ГЛАВА 3. В КОТОРОЙ ПЕСОК ПОЁТ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Натали Рош

Ключ на двоих. Книга 3

ГЛАВА 1. В КОТОРОЙ ПОРТАЛ ОТКРЫВАЕТСЯ В БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ, А ТЕПЛО СТАНОВИТСЯ ВОСПОМИНАНИЕМ

Мультивселенная не стоит на месте. Она растёт, дышит и требует новых героев.

Артур и Соня только-только помогли активировать первый новый Ключ. Казалось бы — можно выдохнуть, заварить чай с мятой и наконец провести тихий вечер вдвоём. Но карта реальностей снова позвала в путь. На самом краю обитаемой мультивселенной, в ледяной реальности под кодовым названием Аквилон, пробудился третий Ключ. И пробуждение это казалось не из приятных: связь между двумя людьми была нестабильна, реальность трещала по швам, а местная Тьма проявляла себя... странно. Точнее, странность была в том, что местная Тьма никак себя не проявляла.

Портал открылся в тишину. В абсолютную всепоглощаю-

щую тишину, какая бывает только там, где звук замерзает в воздухе, не долетев до уха.

Соня вышла первой — и тут же зажмурилась от белизны. Она была повсюду: под ногами, над головой, впереди, позади. Белая равнина, уходящая в белое небо. Белые скалы, торчащие из-под снега, как кости древних чудовищ. И вдалеке — город. Вернее, то, что от него осталось.

Артур вышел следом. Мультитул на его запястье тихо пискнул и выдал короткий отчёт: «Температура: -52°C. Атмосфера: пригодна для дыхания. Магический фон: нестабилен. Население: не определено». Он сразу же активировал термоконтур — тонкую, почти невидимую плёнку тепла, которая окутала обоих.

Соня вздохнула с облегчением: она и не заметила, как начала замерзать.

— Спасибо, — сказала она, и её голос прозвучал глухо, словно через вату.

— Всегда пожалуйста, — ответил он. — Добро пожаловать в Аквилон.

— Мне не нравится, — немедленно заявила Никта. — Здесь слишком тихо. И слишком бело. Где цвет? Где звук? Где хоть что-нибудь?

— Это край мультивселенной, — напомнила Соня. — Здесь всё по-другому.

— Вот именно — по-другому. Я чувствую себя... неудобно.

— Тьма не может чувствовать себя неудобно.

— Может, когда Тьма — это я. Здесь что-то не так.

Артур нахмурился:

— Виктор предупреждал, что в этом мире есть Тьма, но она не заперта в Ключе. Она — часть самой реальности. И, кажется, она спит.

— Тогда давай не будем её будить, — предложила Соня.

— По крайней мере, пока не найдём Ключ.

— Согласен.

Пончик, сидевший в термопереноске, мяукнул. Ему, судя по всему, было всё равно, где находиться, — лишь бы было тепло и сухо. Соня, в который раз, позавидовала кошачьей невозмутимости.

Они двинулись к городу.

Город назывался Гляциум. Это слово Артур расшифровал с помощью мультитула, сканируя надписи на полуразрушенной арке входа.

Когда-то, судя по всему, это было величественное сооружение — врата, высеченные из цельного льда, с колоннами, уходящими в небо на десятки метров. Теперь от них остались только обломки. Лёд был старым, мутным, с замороженными в него трещинами, похожими на паутину.

Улицы города были пусты. Но не заброшены. Соня заметила следы на снегу — свежие, человеческие. Где-то в глубине домов мерцал свет. Не тёплый, жёлтый, как в их реальности, а холодный, голубоватый, похожий на люминесценцию.

— Здесь есть жизнь, — сказала она. — Но она... другая.

— Люди адаптировались, — ответил Артур. — В таком холоде можно выжить, только если изменить себя. Или если отказаться от чего-то важного.

— От чего?

— Например, от тепла.

В этот момент из ближайшего здания — низкого, приземистого, с окнами-бойницами — вышел человек. Он был закутан в меха с головы до ног, но даже сквозь них было видно: он высок, худ и двигается с какой-то неестественной, угловатой грацией. Его лицо было бледным, почти белым. А глаза — светлые, прозрачные, как лёд.

— Чужаки, — произнёс он. Голос звучал глухо, но в нём не было враждебности. Скорее — усталое любопытство. — Давно здесь не было чужаков.

— Мы из агентства «Хронос», — сказал Артур. — Межпространственная организация. Мы ищем...

— Мы знаем, что вы ищете, — перебил человек. — Все чужаки ищут одно и то же. Тепло. Но здесь его нет. И не будет.

— Мы ищем не тепло, — сказала Соня. — Мы ищем двоих. Тех, кто связан.

Человек замер. Его прозрачные глаза чуть расширились.

— Связанных здесь нет, — сказал он. — Это запрещено.

— Кем запрещено?

— Советом Льда. Теми, кто правит. Связь — это тепло. Тепло — это слабость. Слабость — это смерть.

— И что, все согласны? — спросила Соня.

— Все, кто хочет жить.

Он развернулся и пошёл прочь, но на полпути обернулся.

— Если вы ищете связанных — ищите в Нижнем городе.

Там, где лёд тоньше. Но будьте осторожны. Совет не любит, когда кто-то... ищет.

И он исчез в белом мареве.

Нижний город оказался лабиринтом из ледяных туннелей. Здесь было темнее — светящийся лёд встречался реже, и термоконтур работал на пределе. Соня чувствовала, как холод всё равно пробирается под кожу, как он пытается забраться в мысли, в чувства, в самую душу.

— Это не просто лёд, — тихо сказала Никта. — Это... забвение. Этот холод — он стирает всё: воспоминания, эмоции, связи. Я чувствую, как он пытается добраться до меня.

— Не дай ему, — ответила Соня. — Держись за меня.

— Держусь. Но здесь есть кто-то ещё. Кто-то, кто почти стёрт.

Они свернули за угол — и увидели их.

Мужчина и женщина. Они сидели на ледяной скамье, но не касались друг друга. Между их ладонями, застывшими в дюйме друг от друга, мерцал огонёк. Не золотой. Не серебряный. Белый. Почти прозрачный. Почти погасший.

— Ключ, — прошептала Соня. — Но он... умирает.

— Не умирает, — поправил Артур. — Засыпает. Лёд стирает связь. Если мы не поможем, они забудут друг друга.

— Кто они?

— Не знаю. Возможно, они сами уже не помнят.

Соня опустилась на колени перед парой. Мужчина поднял голову. Его глаза были пусты, как зимнее небо. Женщина тоже смотрела безучастно и отрешённо.

— Мы поможем вам вспомнить, — прошептала Соня. — Вспомнить друг друга. Вспомнить тепло.

— Тепло... — мужчина нахмурился. — Это слово... я его знаю. Но не помню.

— Вспомните, — Соня взяла их руки и соединила. Огонёк вспыхнул — ярче, на секунду. — Вспомните, как вы встретились. Как спорили. Как смеялись. Как впервые коснулись друг друга.

— Я... — женщина моргнула. — Я помню снег. И его глаза. Они были... синими?

— Да, — мужчина сжал её ладонь. — А я помню твой голос. Ты пела.

— Я пела?

— Да. Колыбельную. Для... для...

Он осёкся. Но огонёк между их ладонями уже разгорался. Белый цвет сменялся золотым, золотой — серебряным.

— У них был ребёнок, — прошептала Соня. — Лёд стёр даже это.

— Но они вспоминают, — ответил Артур. — Тепло возвращается.

— Они сильные, — сказала Никта. — Очень сильные. Их

Тьма... Она борется.

— Их Тьма?

— Да. Она здесь. Рядом. Она — часть этого города. И она не хочет, чтобы они забыли.

В этот момент лёд под ногами дрогнул. Стены туннеля засветились тёплым, янтарным светом. И где-то в глубине, под толщей тысячелетнего льда, что-то откликнулось. Что-то, что было древнее Предтеч, старше Пустоты и теплее всего, что знала мультивселенная.

— Кажется, — сказала Соня, — мы только что потревожили местную Тьму.

— Это плохо? — спросил мужчина, всё ещё сжимающий руку женщины.

— Это... по-разному, — ответил Артур. — Но, судя по тому, что лёд теплеет, — скорее хорошо.

— Лёд не может теплеть, — возразила женщина. — Это закон.

— Законы меняются, — сказала Соня. — Особенно когда в них вмешивается Ключ.

Туннели Нижнего города постепенно наполнялись янтарным светом. Лёд, веками не знавший ничего, кроме холода, начал подтаивать. Закапало с потолка. Соня поймала себя на мысли, что впервые в жизни радуется протечке.

Мужчина и женщина — теперь Соня знала их имена: Элиан и Лира — стояли, прижавшись друг к другу, и смотрели на свои соединённые ладони с таким изумлением, будто у

них выросли крылья. Огонёк Ключа между их пальцами разгорался всё ярче. Белый, золотой, серебряный — теперь он пульсировал, как маленькое сердце.

— Я... вспомнила, — прошептала Лира. — У нас была дочь.

— Она... — Элиан запнулся. — Где она?

— Её забрал Совет, — голос Лир дрогнул. — Когда обнаружили нашу связь. Сказали, что ребёнок — источник тепла. А тепло — под запретом.

Соня почувствовала, как внутри неё закипает ярость. Не только её собственная — Никта отреагировала первой.

— У них отобрали ребёнка?! — голос Тьмы звенел от гнева. — За то, что они любили друг друга?! Соня, я сейчас выйду. Серьёзно. Я — Тьма, я могу.

— Не надо выходить, — ответила Соня, хотя сама едва сдерживалась. — Мы решим это иначе.

— Как?!

— С помощью дипломатии. И небольшого шантажа.

— Одобряю.

Артур, всё это время молча сканировавший пространство мультитулом, поднял голову.

— Местная Тьма активирована, — сообщил он. — Я фиксирую колоссальный выброс энергии. Она идёт откуда-то из под города.

— Это Ключ, — Соня указала на Элиана и Лиру. — Их Ключ разбудил её.

— Или она сама решила проснуться, — Артур убрал мультитул. — Потому что почувствовала: здесь появилось что-то, ради чего стоит бодрствовать.

— Ты становишься поэтом.

— Это побочный эффект замерзания.

— Не замерзай. Мне нужен твой сарказм.

— Он всегда при мне. Даже при минус пятидесяти двух.

В этот момент стена туннеля — та самая, что светилась янтарём, — пошла трещинами от тепла, идущего изнутри. Трещины расширялись, и сквозь них пробивался свет. А потом стена раскрылась, как цветок, и из неё вышла женщина. Она была соткана из того же янтарного света: высокая, статная, с волосами, струящимися, как расплавленное золото. Её глаза сияли, как два маленьких солнца, и от неё исходило такое тепло, что иней на ресницах Сони мгновенно растаял.

— Я спала, — произнесла она, и её голос был похож на звон тысяч колокольчиков, — очень долго. А вы разбудили меня.

— Простите, — сказала Соня. — Мы не хотели.

— Нет, — женщина улыбнулась, — я этому рада. Потому что мои дети снова вместе.

— Ваши дети? — переспросил Артур.

— Аквилон — она обвела рукой вокруг. — Это мой мир! Когда-то в начале времён я растопила лёд и создала здесь жизнь. А потом... устала и уснула. А когда проснулась, мои дети уже поклонялись Совету Льда и боялись собственного

тепла.

— Тьма-обогреватель, — прокомментировала Никта. — Никогда о таком не слышала. Но мне нравится.

— Совет Льда, — вмешался Артур. — Кто они?

— Те, кто решил, что тепло — это слабость, — Тьма Аквилона нахмурилась. — Они построили свой город на страхе. Они отбирают детей у тех, кто смеет любить. Они запретили прикосновения, потому что прикосновения согревают.

— Это возмутительно, — сказала Соня.

— Это тирания, — добавил Артур.

— Это будет исправлено, — заключила Тьма Аквилона. — Но мне нужна ваша помощь. Я ещё слаба после сна. А Совет силён.

— Что нужно делать? — спросила Лира. В её голосе больше не было страха. Только решимость.

— Нужно войти в Цитадель Льда, — ответила Тьма. — И вернуть то, что они украли. Не только вашу дочь. Они украли у этого мира способность чувствовать, любить, быть тёплыми.

— Значит, идём, — сказала Соня.

— Прямо сейчас? — уточнил Артур.

— А чего ждать? У нас теперь есть союзная Тьма, пробуждённый Ключ и два разгневанных родителя. По-моему, идеальная команда для штурма.

— Ты забыла про Пончика.

Пончик, услышав своё имя, высунулся из термопереноски

и мяукнул. С видом полководца.

— Ах да, — Соня почесала его за ухом. — И кот. Кота никогда не забываем.

Цитадель Льда оказалась именно такой, какой её можно было представить: огромная, величественная, пугающая. Она возвышалась над Гляциумом, как замёрзшая корона, и её шпили вонзались в белое небо. У входа стояли стражники — высокие, закованные в ледяные доспехи, с лицами, лишёнными всякого выражения.

— Чужаки, — произнёс один из них, увидев приближающуюся процессию. — Вы не имеете права входить в Цитадель.

— У нас есть приглашение, — сказала Соня.

— От кого?

— От тепла.

Стражник моргнул. Это было первое проявление эмоций, которое он позволил себе за долгое время.

— Тепла не существует. Это миф.

— Правда? — Соня сделала шаг вперёд, и термоконтур Артура расширился, охватывая стражника. Тот вздрогнул. — Тогда почему у вас сейчас мурашки по коже?

Стражник открыл рот, но не нашёлся что ответить.

— Мы идём к Совету, — продолжил Артур спокойным, не терпящим возражений тоном. — У нас есть доказательства нарушения межпространственного договора о свободе воли. И если Совет не примет нас — мы передадим дело в Сеть

Ключей.

— Сеть... Ключей? — стражник явно впервые слышал это словосочетание, но оно звучало достаточно угрожающе.

— Да, — подтвердила Соня. — И поверьте, вам не захочется иметь дело с нашими коллегами. Одна только Тьма внутри меня способна испортить вам весь лёд. В буквальном смысле.

— Я могу сделать лужу, — с готовностью предложила Никта. — Очень большую.

— Не надо лужу.

— Я просто предложила.

Стражники переглянулись. Потом — медленно, неохотно — расступились.

— Совет ждёт вас, — произнёс старший. — Но помните: в Цитадели действуют законы Льда. Чувства запрещены. Прикосновения запрещены. Тепло запрещено.

— Мы учтём, — пообещал Артур. — Но ничего не гарантируем.

Они вошли в Цитадель. Пончик, всё ещё сидевший в переноске, мяукнул — и его мурчание эхом разнеслось под ледяными сводами. Где-то наверху, в тронном зале, Совет Льда уже знал: у них проблемы. Очень тёплые проблемы.

ГЛАВА 2. В КОТОРОЙ СОВЕТ ЛЬДА ЗАСЕДАЕТ, А ПОНЧИК НАРУШАЕТ ПРОТОКОЛ

Тронный зал Цитадели Льда был прекрасен той страшной нечеловеческой красотой, которая заставляет сердце замереть, а дыхание стать чуть тише. Представьте себе собор, высеченный не из камня, а из цельного куска горного хрусталя. Его стены уходили вверх на немыслимую высоту, и там, под куполом, переливались мириады ледяных кристаллов, каждый из которых светился собственным светом. Свет этот падал вниз, преломляясь и дробясь, и по полу бежали тени, похожие на вены вечности.

Пол был гладким, как зеркало, и в нём отражались все, кто осмеливался войти.

Соня невольно посмотрела вниз — и увидела своё лицо, искажённое холодным сиянием, и рядом — лицо Артура, такое же строгое, такое же чужое в этом царстве льда.

— Мы словно в сердце айсберга, — прошептала она.

— Мы словно в морозилке, — поправил он. — Очень большой и очень пафосной.

— Ты способен хоть раз восхититься архитектурой?

— Я способен. Просто не этой. Эта архитектура говорит: «Бойтесь». А я не люблю, когда мне угрожают здания.

Вдоль стен, на ледяных тронах, восседал Совет. Их было пятеро — по числу граней в кристалле льда, как позже шепнула Соне Никта, которая, оказывается, разбиралась в символике. Пятеро старейшин в одеждах, напоминавших замёрзшие водопады — белые, голубые, серебряные, с вкраплениями инея, который не таял. Их лица были бесстрастны. Их глаза — прозрачны. Их руки — сложены на коленях, и между пальцами у каждого пульсировал крошечный ледяной осколок. Символ власти. Символ Совета. Символ всего, что в этом мире пошло не так.

В центре, на возвышении, стоял трон выше остальных. И на нём сидел Верховный Хранитель Льда — старик с лицом, изрезанным морщинами, как трещинами. Его звали Криос. Это имя Соня узнала от Лиры, которая шла позади, сжимая руку Элиана. Криос правил Гляциумом уже много циклов — так долго, что никто не помнил, когда он стал Хранителем. Говорили, что его сердце давно превратилось в лёд. Говорили, что он разучился чувствовать. Говорили, что он — идеальный правитель для мира, где тепло под запретом.

Соня посмотрела на него — и ей показалось, что в его глазах, на самом дне, прячется что-то ещё. Не холод и не жестокость. А... усталость. Бесконечная, как сама вечность.

— Чужаки, — произнёс Криос, и его голос был как скрип льдины, трущейся о льдину. — Вы пришли в наш мир без приглашения. Вы нарушили наши законы. Вы принесли с собой тепло.

— Тепло мы принесли с собой, — согласилась Соня. — Но тепло — это не преступление.

— В Аквилоне — преступление. Тепло порождает чувства. Чувства порождают хаос. Хаос порождает гибель.

— Или жизнь, — возразил Артур. — Смотря как посмотреть.

Криос перевёл взгляд на него. Долгий, изучающий. Так смотрят на муху, застывшую в янтаре.

— Ты говоришь о жизни, — сказал он. — Но жизнь в Аквилоне возможна только благодаря холоду. Холод сохраняет. Холод защищает. Холод — это порядок.

— Холод — это отсутствие, — парировала Соня. — А порядок, построенный на отсутствии, — это не порядок. Это тюрьма.

В зале повисла тишина. Такая глубокая, что Соня услышала, как где-то под куполом тихо звякнул ледяной кристалл. Один из членов Совета — женщина с лицом, острым, как сосулька, — подалась вперёд.

— Вы дерзки, чужаки. Но дерзость — это тоже чувство. Чувства запрещены. Вы будете наказаны.

— Прежде чем наказывать, — Артур поправил манжеты, и этот будничный жест в ледяном тронном зале выглядел почти кошунственно, — ознакомьтесь с протоколом семь-альфа Межпространственного договора о свободе воли. Статья третья, параграф второй: «Ни одна реальность не имеет права подавлять фундаментальные эмоциональные связи разум-

ных существ». Аквилон подписал этот договор двести циклов назад. Я проверил.

Совет зашевелился. Ледяные осколки в их пальцах замигали чаще. Криос чуть наклонил голову.

— Ты ссылаешься на древний договор, — произнёс он.
— Но договор был подписан до того, как мы поняли: тепло разрушает.

— Или до того, как вы решили, что проще запретить любовь, чем научиться с ней жить? — спросила Соня.

Тишина стала ещё глубже. А потом — раздался звук, которого никто не ожидал.

— Мяу! — Пончик выбрался из переноски.

Он сделал это с той царственной неспешностью, на какую способны только коты и, пожалуй, некоторые императоры альтернативных Римов. Он прыгнул на ледяной пол, потянулся, зевнул — и направился прямо к трону Криоса. Его маленькие лапки оставляли на зеркальном полу крошечные следы. Лёд под ним... подтаивал.

— Что это? — прошептал кто-то из Совета.

— Кот, — ответила Соня. — Обычный кот.

— Он... тёплый, — голос женщины-сосульки дрогнул. — Я чувствую. Через пол. Через лёд. Он тёплый!

Пончик, не обращая внимания на сенсацию, которую произвёл, дошёл до трона и сел. Посмотрел на Криоса. Моргнул. А потом — замурчал. И в этой ледяной цитадели, где звук был таким же редким, как тепло, его мурчание прозвучало

как гром.

Криос смотрел на кота. Его лицо, изрезанное трещинами, не изменилось. Но рука, лежавшая на подлокотнике, дрогнула. Едва заметно. Почти неразличимо.

— Я... — начал он и осёкся.

В ледяном тронном зале, где веками не раздавалось ни звука, кроме скрипа льда и монотонного голоса Хранителя, звук мурчания был подобен взрыву. Он расползлся по залу, как круги по воде, отражался от хрустальных стен, множил, дробился и проникал повсюду. Ледяные кристаллы под куполом, до этого мерцавшие холодным светом, начали менять оттенок. Сначала — едва заметно. Потом — всё отчётливее. Голубой сменялся бирюзовым, бирюзовый — изумрудным, изумрудный — янтарным. Словно в кристаллах просыпалось что-то, что спало тысячелетиями.

Соня смотрела на это и чувствовала, как к горлу подступает ком. От величия момента. От того, что она, простая девушка, когда-то боявшаяся опоздать на собеседование, сейчас стоит в сердце ледяного мира и наблюдает, как её кот меняет законы этого мира.

Артур, стоявший рядом, тоже молчал. Но его молчание было иным. Он анализировал. Соня знала это без слов — по тому, как чуть заметно подрагивала жилка на его виске, как его взгляд скользил по лицам Совета, считывая микроэмоции. Он был спокоен внешне — но внутри него работал тот самый безжалостный механизм, который делал его лучшим

агентом «Хроноса». И всё же... всё же она заметила, как уголок его губ дрогнул, когда Пончик зевнул. Даже он не был полностью неуязвим для кошачьего обаяния.

— Обожаю этот момент, — прошептала Никта в голове Сони. — Тысячелетняя тирания рушится из-за кота. Это лучшее, что я видела со времён изобретения печенья.

Члены Совета переглядывались. Их ледяные осколки в пальцах пульсировали хаотично, сбивчиво — так бывает, когда отлаженный механизм даёт сбой.

Женщина с лицом-сосулькой прижала руку к груди — жест, немыслимый в этом мире, где прикосновения были запрещены даже к самому себе.

Мужчина справа от неё, огромный, с плечами, напоминавшими айсберг, смотрел на Пончика с таким выражением, будто увидел призрака. Или чудо. В Аквилоне эти понятия были синонимами.

Криос, Верховный Хранитель Льда, не шевелился. Только его рука, лежавшая на подлокотнике трона, чуть-чуть подрагивала. Морщины на его лице — глубокие, как трещины в леднике, — казалось, стали ещё глубже. Он смотрел на Пончика. И во взгляде его, всегда прозрачном и пустом, теперь читалось что-то иное. Что-то, чему он сам не мог подобрать названия.

— Тепло, — прошептал он. — Я чувствую его.

— Это кошачье урчание, — сказала Соня. — У него частота, которая резонирует с живыми тканями. Даже с теми,

которые заморожены.

— С живыми тканями, — повторил Криос, пробуя слова на вкус. — Я не слышал этих слов очень давно.

— Сколько именно?

— Двести циклов. С тех пор, как Совет запретил... всё это. Он обвёл рукой зал. И в этом жесте было что-то бесконечно усталое, бесконечно горькое.

Соня вдруг увидела его не как тирана, не как врага, а как старика, который двести циклов назад сделал выбор — и теперь не знал, как признать, что ошибся.

— Почему? — спросила она. — Почему вы запретили тепло?

Криос молчал. Молчали и члены Совета. Тишина в зале снова стала абсолютной — но теперь в ней звенел вопрос, повисший в воздухе, как ледяной кристалл.

И тогда заговорила Лира. Она вышла вперёд, всё ещё держа Элиана за руку, и её голос, тихий, но твёрдый, разнёсся под сводами Цитадели.

— Потому что тепло — это боль, — сказала она. — Когда любишь кого-то, ты становишься уязвимым. Ты можешь потерять. А терять — страшно.

— Но вы рискнули, — заметил Артур.

— Да, — Лира посмотрела на Элиана. — Мы рискнули. И у нас за это отобрали дочь.

Члены Совета отводили взгляды. Криос смотрел прямо перед собой, и в его глазах, на самом дне, что-то менялось.

Трещина. Маленькая, почти незаметная — но трещина.

— Мы хотели защитить, — произнёс он наконец. — От боли. От потерь. От всего, что делает существование невыносимым.

— Но вы отняли у них всё, — сказала Соня. — Включая саму жизнь.

— Жизнь без боли — не жизнь, — добавил Артур. — Это существование. И, кажется, ваш Совет это понял. Просто боится признать.

Криос поднял руку. Ледяной осколок в его пальцах перестал пульсировать. Он посмотрел на него — долго, изучающе — а потом сжал в кулаке. Лёд хрустнул. Осколок раскололся.

— Довольно, — сказал он. — Я... устал. Устал от холода. Устал от тишины. Устал бояться.

— Что вы хотите сказать? — спросила женщина-сосулька. Её голос дрожал — возможно, впервые за много циклов.

— Я хочу сказать, — Криос поднялся с трона, — что Совет Льда распущен. Законы о запрете чувств отменяются. И...

Он посмотрел на Лиру и Элиана.

— Ваша дочь жива. Она в подземельях Цитадели. Мы не причиняли ей вреда. Мы просто держали её там. Чтобы она не заражала других теплом.

Лира вскрикнула. Элиан сжал её руку так, что побелели костяшки.

— Отведите нас к ней, — сказала Соня. — Сейчас же.

— Да, — Криос кивнул. — Я сам вас провожу.

Члены Совета растерянно молчали. Никто из них не возражал, не возмущался, никто не пытался помешать. Казалось, что не только чувства и реакции были заморожены, но и сами люди были обездвижены вековым холодом.

Подземелья Цитадели были не такими, как верхние залы. Здесь не было хрусталя. Не было зеркальных полов. Только грубый необработанный лёд, тёмный, с замороженными в него пузырьками воздуха. Факелы горели холодным синим магическим светом, отбрасывая на стены дрожащие тени.

Они шли долго. Через анфиладу коридоров, через залы, где стояли ледяные саркофаги (Криос пояснил: «Это те, кто не смог отказаться от чувств. Мы усыпили их. Но не убивали»), через мосты над безднами, в которых клубился туман.

Наконец они остановились перед массивной ледяной дверью. Криос приложил ладонь к замку. Дверь открылась.

Внутри была комната. Маленькая, скромная. Но не тюремная камера. Там стояла кровать, застеленная мехами. Стол. Стул. На стуле сидела девочка.

Ей было лет десять. Худенькая, светловолосая, с глазами, как два осколка янтаря. Она подняла голову, увидела Лиру и Элиана — и её лицо озарилось такой улыбкой, что лёд на стенах, кажется, сразу начал таять.

— Мама! Папа!

— Айла! — Лира бросилась к ней. Элиас — следом. Они обнялись — впервые за долгие, долгие циклы.

Соня отвернулась. Она не хотела мешать. Но краем глаза заметила, как Артур снова поправил манжеты — и как его руки на мгновение задержались в этом положении. Молча. Но она поняла.

— Я не плачу, — сообщила Никта мысленно. — У меня нет глаз. Но если бы они были — плакала бы.

— Я тоже, — прошептала Соня.

— Скажи Артуру, что ты его любишь.

— Он знает.

— Всё равно скажи. Такие моменты — они для этого.

Соня повернулась к Артуру. Он смотрел на неё — в его серых глазах было всё, что он никогда не говорил вслух.

— Я люблю тебя, — вдруг сказал он.

— Я знаю, — ответила она. И добавила: — Я тоже тебя люблю.

— Вот, — удовлетворённо заключила Никта. — Теперь всё правильно.

Где-то в самом сердце Аквилона Тьма этого мира улыбнулась. Её дети возвращались домой. И лёд наконец-то начал таять.

ГЛАВА 3. В КОТОРОЙ ПЕСОК ПОЁТ

Возвращение домой вышло скомканным. Едва портал выбросил их в приёмную «Хроноса», как на них налетела Мидори — взъерошенная, с безумными глазами и кружкой остывшего чая в одной руке. В другой она сжимала распечатку с мультитула, которая, судя по количеству пометок, пережила не один час панического анализа.

— Вы где были?! — заорала она, даже не поздоровавшись. — Я вызывала вас трижды! Трижды! Сначала сигнал шёл, потом пропал, потом пошёл опять, но с такими помехами, что я подумала — всё, конец, Пустота сожрала и вас, и Аквилон, и Пончика в придачу!

Пончик, услышав своё имя, высунулся из переноски и мякнул. Мол, я здесь, я цел, можешь не волноваться.

— Пончик! — Мидори бросилась к коту с такой нежностью, будто не видела его по меньшей мере вечность. — Живой! Тёпленький! Усатенький!

— Вообще-то мы тоже живые, — заметила Соня. — И тёплые. И даже усатые. Ну, почти.

— Вам я тоже рада, — пробормотала Мидори, всё ещё тиская Пончика. — Особенно когда вы пропадаете на трое суток без связи!

— На трое? — переспросил Артур, сверяясь с мультитулом. — По моим подсчётам, нас не было около шестидесяти часов. Временной поток Аквилона оказался довольно стабильным.

— Шестьдесят часов! — взывала Мидори. — Я тут посдела! Вот, смотрите! — она ткнула пальцем в фуксиевую прядь. — Седая!

— Это блеснит, — автоматически ответила Соня.

— Ничего не блеснит! Это седина! Заработанная честным трудом и вашим отсутствием!

Пока они препирались, из лаборатории на третьем ярусе вышел Виктор. Вид у него был ещё более взъерошенный, чем у Мидори. Очки съехали набок, воротник рубашки торчал из-под свитера, а в руках он держал сразу три голографических планшета, которые что-то нервно пищали.

— Вы вернулись, — констатировал он с облегчением. — Хорошо. Очень хорошо. Потому что у меня новости.

— Давай по порядку, — сказал Артур. — И желательно — с самого начала.

— Хорошо, — Виктор сделал глубокий вдох. — Во-первых, Аквилон. Я фиксировал ваш сигнал. Вы разбудили местную Тьму, пробудили Ключ и, судя по последним данным, полностью изменили климатическую модель реальности. Поздравляю.

— Спасибо, — сказала Соня. — А во-вторых?

— Во-вторых, пока вы отсутствовали, я анализировал

карту Ключей. Вы нашли два. Осталось три. Но один из них... — он запнулся. — Один из них очень странный.

— Страннее, чем Тьма, которая пьёт чай с мятой? — уточнила Соня.

— Эй! — возмутилась Никта. — Я не странная! Я уникальная!

— Страннее, — подтвердил Виктор. — Потому что этот Ключ... он замкнут. Но его носители не вместе. Они разделены. Причём не расстоянием. А временем.

В комнате стало тихо.

— Как это — временем? — спросил Артур.

— Они живут в одной реальности. В одном городе. Но один из них — в прошлом. Другой — в настоящем. Их Ключ работает как мост между эпохами. И он слабеет. Если мы не вмешаемся, он разорвётся.

— И где эта реальность? — спросила Соня.

Виктор развернул голографическую карту. На ней, среди знакомых созвездий миров, мерцала точка. Золотая. С серебряным отливом. И расположена она была в секторе, помеченном как «Песчаные миры».

— Реальность под кодовым названием «Сахара-7», — объявил Виктор. — Пустыня. Огромная. Почти бесконечная. И посреди неё — город. Единственный на всю планету. Он называется Ирем. И у него есть одна особенность.

— Какая? — хором спросили Артур и Соня.

— Он поёт, — ответил Виктор. — Песок вокруг города

издаёт звуки. На определённых частотах. И эти частоты совпадают с частотами Ключа. Ирем — это не просто город. Это музыкальный инструмент, построенный неизвестной цивилизацией. И, кажется, он был создан специально для того, чтобы соединять времена.

— Значит, едем в пустыню, — сказала Соня.

— Там жарко, — предупредил Виктор.

— Мы только что из вечной мерзлоты. Жара — это разнообразие.

— Там песок. Он забивается повсюду.

— После крокодилов в Ниле меня песком не напугать.

— И там... — Виктор замялся. — Там, кажется, нет чая с мятой.

— Что?! — возмутилась Никта. — Как это — нет?!

— Придётся взять с собой, — решила Соня. — В термосе.

— В двух, — поправила Никта. — И печенье.

— И печенье, — согласилась Соня.

— Когда выдвигаемся? — спросил Артур.

— Прямо сейчас, — сказала Соня. — Пока Никта не устроила бунт из-за отсутствия чая.

— Я не бунтую. Я настаиваю.

— Ребята! — взмолилась Мидори. — Может, вы сначала поедите? У меня круассаны! Из альтернативного Парижа!

— Круассаны — в термос, — распорядилась Соня. — Чай — в термос. Пончика — в переноску. Артура... И вперёд.

— Меня не надо в переноску, — заметил Артур.

— Жаль. Ты бы смотрелся мило.

— Я не бываю милым.

— Бываешь. Когда спишь.

Артур открыл рот, чтобы возразить, но осёкся. Потому что Соня уже взяла его за руку — и он не мог спорить, когда она держала его за руку. Это было его слабостью. Одной из многих, которые он позволял себе только с ней.

— Ладно, — сказал он. — Идём.

— Идём! — эхом отозвалась Никта. — Пустыня, жди нас!

Портал открылся — золотистый, с серебряным отливом, пахнущий разогретым песком, древними тайнами и обещанием новых приключений. И выбросил их на вершину бархана. На мгновение — всего на одно ослепительное мгновение — Соня забыла, как дышать.

Пустыня простиралась во все стороны. Бескрайняя. Величественная. Живая. Золотые пески, подсвеченные заходящим солнцем, переливались оттенками, которым Соня не могла подобрать названий. Охра? Янтарь? Расплавленное золото? Всё вместе и что-то ещё — что-то, что существовало только здесь, в мире, где песок пел.

Потому что он действительно пел. Порывы ветра скользили по дюнам, и каждая дюна отзывалась на его прикосновение. Низкий, вибрирующий гул шёл отовсюду — от песка под ногами, от скал на горизонте, от самого воздуха. Это было похоже на звук виолончели, опущенный на октаву ниже. Или на голос огромного существа, которое спало где-то глу-

боко под землёй и дышало сквозь толщу песка.

— Это прекрасно, — прошептала Никта. — Я слышу это даже внутри Ключа. Как будто песок поёт для нас.

— Он и поёт для нас, — ответила Соня. — Для всех, кто слышит.

Артур уже развернул голографическую карту. Мультитул тихо пищал, сканируя местность.

— Город Ирем — в пяти километрах к востоку, — сообщил он. — Судя по данным, это единственный населённый пункт в радиусе пятисот километров.

— Значит, идём, — сказала Соня.

— Идём, — согласился он. — Но осторожно. Песок здесь нестабилен. И частота его вибраций... она меняется. Как будто реагирует на нас.

— Может, так и есть? Может, он чувствует Ключ?

— Возможно. В любом случае — держимся вместе.

— Как всегда.

Они начали спускаться с бархана.

Пончик, выпущенный из переноски (всё равно жарко, а термоконтур теперь работал на охлаждение), гордо вышагивал рядом. Его лапы проваливались в песок, но он не подавал виду, что это его хоть сколько-нибудь беспокоит. Коты вообще не подают виду.

— Как думаешь, — задумчиво произнесла Никта, — здесь есть мыши?

— В пустыне?

— Ну да. Пустынные мыши. Маленькие. С большими ушами. Я просто спросила.

— Зачем тебе мыши?

— Я не для себя. Для Пончика.

— Ах, ну да. Для Пончика.

— Не смейся. Я заботливая Тьма.

— Конечно-конечно.

Они шли около часа. Солнце, огромное и оранжевое, медленно опускалось за горизонт. Небо из золотого становилось алым, потом — фиолетовым, и наконец — тёмно-синим, усыпанным звёздами. Звёзды здесь были чужими — незнакомые созвездия, незнакомые узоры. Но Соня смотрела на них и чувствовала себя странно уютно. Как будто мультивселенная, при всём её бесконечном разнообразии, везде находила способ быть прекрасной.

— Ирем, — вдруг сказал Артур. — Смотри.

На горизонте, подсвеченный последними лучами заката, возник город. Он был построен из того же золотого песка, что и дюны вокруг, и казался естественным продолжением пустыни. Высокие башни с куполами, арки, мосты, перекинутые между зданиями, и стены, украшенные резьбой, похожей на застывшую музыку. И от него действительно шёл звук. Тихий, мелодичный, переливающийся — как будто город был не просто построен, а настроен. Как инструмент.

— Потрясающе, — прошептала Соня.

— Да, — согласился Артур. — И подозрительно.

— Ты всегда подозреваешь подвох.

— И, как правило, не зря.

Они подошли ближе. Городские ворота были открыты. Но за ними не было ни души. Улицы, мощённые гладким камнем, пустовали. Окна домов были тёмными. Только где-то в центре, в самом высоком здании, горел свет. И оттуда, перекрывая пение песка, доносилась музыка. Живая. Кто-то играл на струнном инструменте. Мелодия была простой, но завораживающей. Она повторялась, вилась, как нить, и тянула за собой, как путеводная звезда.

— Идём, — сказала Соня. — Нас ждут.

— Или заманивают, — заметил Артур.

— Ребята, — вмешалась Никта. — Мне нравится.

— Если Тьме нравится — это серьёзный аргумент, — признал Артур. — Идём.

И они вошли в поющий

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.